

«ХРОНИКИ ТУШИ»

Максим Байтович

Максим Байтович

Хроники Туши. Тьма и свет - это одно перо

<https://litres.ru/73915883>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где слова обретают плоть и любая ошибка смертельна, юная Элия Вэлл не может написать ни строчки. Она — студентка Академии Каллиграфов, внучка великого писца, и её страх перед чистым листом парализует. Но когда выпускной экзамен оборачивается катастрофой, Элия создаёт Тушь — запретную магию, способную разрушать и созидать. Обвинённая в ереси, она бежит из родного города вместе с Кианом, изгоем-Резчиком, чья магия груба и запретна. Преследуемые Инквизитором, одержимым идеальным порядком, они должны найти разгадку древнего проклятия *Scriptum Letale*. Потому что контракт, подписанный Элией в пять лет, пробудился. И теперь ей предстоит выбрать: остаться ошибкой или стать началом новой магии. История о страхе творчества и смелости писать дальше.

Содержание

Пролог. Пепел на языке	4
Глава 0. Чистый лист	9
Глава 1. Порог	17
Глава 2. Дорога из камня	23
Глава 3. Ищейки	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Хроники Туши. Тьма и свет - это одно перо

Пролог. Пепел на языке

~ Текст, зачеркнутый дважды, уже не исчезает. Он прорастает. ~

Из запрещенных лекций по Scriptum Letale

Чернила пахли гарью. Не той, что остается после костра, — сладковатой и ностальгической, — а другой: острой, металлической, пробирающей в горло и оседающей на языке пеплом. Элия чувствовала этот запах уже третий час. С тех пор как башня Экзаменаторов обрушилась.

Она не видела, как это случилось. Только слышала.

Сначала — тишина. Та самая, которая накрывает Скрипторий перед рассветом, когда даже переписчики засыпают над манускриптами. Потом — звук рвущейся бумаги. Он был настолько громким и неправильным, что Элия сперва подумала: кто-то разорвал Кодекс Уложения. Это было немыслимо, невозможно, но ее тело отреагировало раньше разума — рванулось к окну.

А затем пришла Тушь.

Элия закрыла глаза и снова увидела это — черную вол-

ну, которая не текла, а ползла, нащупывала путь, как слепое, голодное существо. Она поглощала камень не так, как вода поглощает песок. Хуже. Она переписывала его. Там, где Тушь касалась стен, проступали буквы — чужие, незнакомые, складывающиеся в слова, которые Элия не успела прочесть.

— Не смей, — раздался голос рядом.

Киан. Он сидел на корточках у входа в пещеру и даже не смотрел в ее сторону. Его лицо освещал слабый оранжевый огонек светильника — единственное, что у них осталось. Правая рука Резчика лежала на колене, пальцы медленно поглаживали рукоять резца.

— Я ничего не делаю, — сказала Элия.

— Ты дышишь так, будто сейчас заплачешь. Не смей. У нас нет воды. Потеряешь влагу — будешь бесполезна.

— Я и так бесполезна.

Киан хмыкнул. Это был короткий, сухой звук — как удар молотка по камню.

— Ты создала Тушь. Ты — самое полезное, что случилось с этим городом за двести лет.

Элия не ответила. Она обхватила колени руками и прижалась щекой к шершавой ткани плаща. Плащ пах пылью, потом и еще чем-то — кажется, кровью. Не ее. Она не помнила, чья на ней кровь. Помнила только, как бежала. Сперва — по коридорам Академии, мимо портретов древних Каллиграфов (и клянется, что портреты смотрели на нее с уко-

ризной). Затем — по улицам Нижнего яруса, где селились Резчики и прочий рабочий люд. Там Киан дернул ее за рукав и буквально втащил в какой-то лаз.

Дальше была темнота подземных ходов, а потом — эта пещера. Где-то за восточной стеной города. Киан сказал, что здесь его «мастерская». Мастерская представляла собой дыру в скале с кучей каменных обломков, на которых виднелись следы его резца — незаконченные заклинания-наброски. Элия заметила на одном из камней грубо высеченное слово «ВЕТЕР». Буквы были корявыми, но от них веяло прохладой.

Каллиграф никогда бы не написал так.

Каллиграф уже не существовал.

— Меня будут искать, — тихо сказала она.

— Да.

— И тебя тоже. Ты помог мне бежать.

— Я знаю.

— Тебя казнят.

Киан наконец повернул голову. В тусклом свете она увидела его лицо — узкое, с резкими скулами, покрытое мелкой каменной пылью, как мукой. Глаза у него были странного цвета — серые, но не мягкие, как туман, а твердые, как слюда.

— Меня собирались казнить еще до того, как ты устроила конец света, — сказал он. — Я сбежал из Каменного Предела, когда мою работу признали еретической. Я живу в пе-

щере за стеной и дышу каменной крошкой, которая медленно превращает мои легкие в сталактиты. Казнь — не самый плохой вариант в моем списке.

Он замолчал. Потом добавил — тише, словно самому себе:

— Зато сегодня я видел, как рухнула башня Экзаменаторов. Тридцать лет эти ублюдки говорили мне, что моя резьба недостаточно изящна. Тридцать лет.

Он снова отвернулся к выходу.

Элия смотрела на его спину. Между лопаток ткань рубахи протерлась до дыр. Она вдруг подумала, что любой Каллиграф, увидев Киана, первым делом написал бы заклинание для починки этой рубахи. Не из сострадания. Из перфекционизма.

«Как же я вас ненавижу», — подумала она. И не поняла, кого «вас».

Светильник мигнул. Элия перевела взгляд на свои руки. Они дрожали. Пальцы были в чернилах — та Тушь, когда вырвалась из-под ее пера, успела коснуться кожи, и теперь между линиями ладони залегли тонкие черные прожилки. Она пыталась оттереть их о плащ. Бесполезно. Казалось, чернила проникли под кожу.

— Что со мной будет? — спросила она.

— Ты перестанешь задавать вопросы, на которые у меня нет ответов, и ляжешь спать, — ответил Киан. — Завтра на рассвете выдвигаемся.

— Куда?

— В Каменный Предел. Кое-кто должен на тебя посмотреть.

— Кто?

Но Киан уже не отвечал. Он сидел неподвижно, вглядываясь в кромешную темноту за входом, и его резец лежал на колене — готовый, заточенный, ждущий.

Элия закрыла глаза. Сон не шел. Перед внутренним взором всё еще стояло лицо Верховного Каллиграфа — в тот самый момент, когда Тушь начала поглощать каменную кладку. Он не кричал. Он просто смотрел на нее. И в его взгляде не было ужаса или гнева. Была только горькая, глубокая печаль.

Как будто он знал.

Как будто он ждал.

Как будто это была не катастрофа, а... проверка.

Элия зарылась лицом в плащ и, вопреки всему, уснула.

Глава 0. Чистый лист

~ Посвящается тем, кто боится собственных рук. ~

За три дня до катастрофы Элия сидела в седьмой аудитории Академии Скриптория и пыталась заставить свое перо лгать.

Это было сложнее, чем казалось. Перо — тонкое, из хвостового пера серебристого ибиса, стоявшее месячную стипендию, — отказывалось выводить даже самую простую формулу. Едва Элия подносила его к бумаге, кончик начинал дрожать. Не крупно, не заметно для постороннего глаза, но достаточно, чтобы капля чернил срывалась раньше, чем она успевала коснуться листа.

Перед ней лежало изложение по Прикладной Каллиграфии. Тема: «Самовозгорание свечи на расстоянии десяти шагов». Простейшее, ученическое заклинание. Дети в подготовительных классах выполняли его играючи — выводили формулу из трех иероглифов, дули на чернила, и свеча на кафедре загоралась.

У Элии не горело. У Элии даже не тлело. У Элии бумага оставалась чистой уже четвертый час.

— Студентка Вэлл, — голос магистра Аврелия прозвучал над ухом так неожиданно, что она дернулась и едва не опрокинула чернильницу. — Вы, кажется, принимаете экзамен по сопротивлению материалов? Изучаете прочность бумаги

на разрыв?

По аудитории прокатился смешок. Негромкий, осторожный — магистр был известен своим ядовитым остроумием, и смеяться над его шутками полагалось ровно с той громкостью, которая не вызовет раздражения, но подтвердит: шутка оценена по достоинству.

Элия подняла глаза. Магистр Аврелий возвышался над ней, заложив руки за спину. Его безупречный, без единой складки, балахон из серебристого шелка струился до самого пола. Чернила на его пальцах складывались в изящный узор — он наносил их специально, подчеркивая статус: не просто писец, а тот, кто управляет самими чернилами. Говорили, что Аврелий мог написать заклинание в воздухе, без бумаги, а она потом висела там, светясь, несколько часов.

Говорили. Элия не видела. Но верила.

— Я формулирую концепт, магистр, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Концепт, — повторил Аврелий, растягивая слово. — Интересно. И сколько времени вы формулируете концепт простейшего воспламенения? Четыре часа? Пять? Я слежу за вами с начала пары, и за это время вы не написали ни одного иероглифа. Если вы продолжаете формулировать, то либо вы — величайший гений современности, создающий заклинание такой сложности, что его формула занимает три листа, либо...

Он понизил голос. Теперь его слышала только Элия.

— Либо вы беспомощны.

Элия сжала перо так, что кончик хрустнул.

В аудитории снова стало тихо. Соседка справа — та самая, которая зажгла свою свечу с первой попытки, едва глянув на лист, — смотрела на Элию с жалостью. Это было хуже насмешки. Жалость означала, что с ней уже всё ясно. Что она не «отстающая», не «проблемная», а просто — безнадежная.

— Я сдам изложение завтра, магистр, — сказала Элия. — Мне нужно... больше времени.

Аврелий взял со стола ее чистый лист. Поднес к глазам. Понюхал.

— Прекрасная бумага, — заметил он. — Фабрика «Грейстоун». Десять слоев проклейки. Идеально выбеленная. Вы знаете, сколько такая стоит? Ваш чистый лист обошелся Академии в три серебряные монеты.

Он положил лист обратно на стол — бережно, как кладут покойника.

— Даю вам два дня, студентка Вэлл. Если через два дня вы не представите выполненную работу, я буду вынужден доложить на Ученом Совете о вашей профессиональной непригодности.

Он развернулся и пошел обратно к кафедре, но на полпути остановился и добавил — громко, так, чтобы слышали все:

— На вашем месте я бы начал с малого. Попробуйте написать слово «свет». Просто «свет». Посмотрим, не погаснет

ли солнце.

На этот раз никто не засмеялся.

Элия покинула аудиторию последней, когда остальные студенты уже разошлись по дортуарам. Она шла по длинному коридору, вдоль стен которого висели портреты великих Каллиграфов прошлого, и каждый, казалось, смотрел на нее с укором.

«Ты — моя кровь, — словно говорили они. — Род Вэллов пишет законы этого мира уже триста лет. Твоя прабабка составила Уложение о Погоде. Твой дядя переписал Кодекс Мореплавания, сократив кораблекрушения вдвое. А ты... ты даже свечу не можешь зажечь».

Элия остановилась у последнего портрета — своего деда, Элиана Вэлла Старшего, Верховного Каллиграфа в отставке. Художник изобразил его сидящим за массивным столом, с пером в руке и раскрытой книгой. Лицо у деда было строгое, но в уголках губ пряталась усмешка. Элия помнила эту усмешку. Дед был единственным, кто никогда не ругал ее за чистые листы.

— Ты просто пока не нашла свои слова, — говорил он, когда она, еще ребенком, рыдала над очередным неудавшимся заклинанием. — У каждого писца есть свой ритм. Своя кровь в чернилах. Ты ищешь. Это нормально.

Дед умер пять лет назад. И с тех пор ее ритм так и не нашелся.

— Свет, — прошептала она, глядя на портрет. — Всего

лишь свет. Три иероглифа. Дети пишут.

Она вскинула руку и начертила пальцем в воздухе контур первого иероглифа. Движение было правильным — она знала это, ее мышцы помнили тысячи повторений, — но в последний момент палец дрогнул, и линия пошла криво.

Ничего не случилось. Воздух даже не нагрелся.

Элия опустила руку.

— Я могу написать, — сказала она портрету. — Я знаю теорию. Я сдала все письменные экзамены на высший балл. Я помню наизусть «Трактат о Воплощениях» от корки до корки. Я...

Портрет молчал.

Элия прислонилась лбом к прохладной стене. По щеке скатилась слеза, которую она тут же смахнула, злясь на себя: Каллиграфы не плачут. Каллиграфы пишут.

— Я просто боюсь, — сказала она тихо. — Каждый раз, когда перо касается бумаги, я думаю: а вдруг сейчас? Вдруг это будет *Scriptum Letale*? Вдруг то, что я напишу, выйдет из-под контроля? Вдруг я ошибусь — и кого-то убью?

Она замолчала. Потом добавила — почти беззвучно:

— Вдруг я действительно беспомощна.

Тишина в коридоре была ответом.

В дортуаре Элию ждала записка. Маленький, сложенный вдвое листок бумаги, запечатанный не воском — грубой глиняной крошкой. Так запечатывали письма только в одном месте.

Каменный Предел.

Элия развернула листок. Почерк был корявым, угловатым — буквы не плыли, как у Каллиграфов, а стояли порознь, словно каждая была высечена отдельно.

«Вэлл. Слышал про твои проблемы. Мой дядя говорит. камень не любит, когда с ним спорят. Бумага тоже не любит. Может, ты пишешь не те слова? Приходи в Нижний ярус. Покажу, как работаем мы. К.»

Элия перечитала записку трижды. Потом аккуратно сложила ее и убрала в рукав.

Киан. Тот странный Резчик, с которым она познакомилась месяц назад на межгильдейском семинаре — обязательном мероприятии, где студентов из разных Школ заставляли «обмениваться опытом». Обмен опытом обычно заканчивался тем, что Каллиграфы воротили носы от грубой магии Резчиков, а Резчики в ответ называли Каллиграфов бумажными червями.

Киан был другим. Он сидел в углу, что-то царапал на обломке гранита и ни с кем не разговаривал. Элия подошла к нему из чистого любопытства — и замерла. То, что он высекал, не было похоже ни на одно заклинание, которое она знала. Это были не иероглифы и не руны — скорее, образы, передающие не столько смысл, сколько ощущение.

— Что это? — спросила она.

— Ветер, — ответил Киан, не поднимая головы.

— Но здесь нет формулы движения воздуха.

Он фыркнул.

— Формула — для тех, кто не чувствует, откуда дует. Я не пишу ветер. Я его вспоминаю, и камень вспоминает вместе со мной. А потом отпускает.

Тогда Элия подумала, что это философская метафора. Теперь ей казалось, что это было руководство к действию.

Ночью, когда дортуар затих и даже коридорные светильники притушили свой свет, Элия села за стол и зажгла обычную, восковую свечу. Перо лежало перед ней.

Она не стала думать об иероглифах. Не стала вспоминать правила и формулы. Она просто закрыла глаза и попыталась ощутить то, о чем говорил Киан.

Свет.

Не символ света. Не заклинание. А сам свет — тот, который льется в окно по утрам, тот, который играет в волосах матери, когда она склоняется над манускриптом, тот, который отражается в очках библиотекаря в читальном зале. Теплый, живой, настоящий.

Она обмакнула перо в чернила и вывела одно-единственное слово.

Не иероглиф. Слово. Простое, обычное, написанное ее собственным почерком — неровным, дрожащим, живым.

СВЕТ.

На кончике пера вспыхнула искра.

Маленькая, золотая. Она была крошечной — меньше, чем огонек светлячка, — и погасла почти сразу. Но она была.

Элия смотрела на кончик пера, и губы ее растягивались в улыбку. Первую за много недель.

Она не знала тогда, что это была не просто удача и не просто магия. Это был первый толчок. Первое движение той силы, которая через три дня вырвется наружу черной волной и поглотит башню Экзаменаторов.

До катастрофы оставалось три дня. Восковая свеча горела ровно, бумага ждала, а за окном занимался рассвет над Скрипториумом — великим городом, который еще не знал, что его конец уже начался.

Глава 1. Порог

~ Самая опасная строка — та, что пишется от страха.

Из дневников Элии Вэлл

Утро экзамена пахло озоном и крахмалом.

Элия стояла у дверей Экзаменационной башни, одетая в церемониальную мантию с серебряным кантом — слишком жесткую, слишком накрахмаленную, врезающуюся в шею. В правой руке она сжимала футляр с перьями. В левой — пучок перьев с чернилами. Чернила были особые, выпускные: в них добавляли толченый лунный камень, и заклинания, написанные ими, светились в темноте. Красиво. Бесполезно, но красиво.

Вокруг толпились другие выпускники — двадцать три человека, цвет Академии Скриптория. Они переговаривались вполголоса, поправляли манжеты, проверяли заточку перьев. Кто-то нервно хихикал. Кто-то повторял формулы — Элия видела, как шевелятся их губы.

Она не повторяла ничего. Она вообще не была уверена, что помнит хотя бы одну формулу. Знания, которые она впитывала годами, будто вытекли за ночь, оставив внутри гулкую, звенящую пустоту.

— Вэлл! — окликнул ее знакомый голос. — Ты выгля-

дишь так, будто тебя уже казнили.

К ней протискивалась Лисса — единственная, кого Элия могла назвать если не подругой, то хотя бы союзницей. Лисса была круглолицей, вечно растрепанной и обладала талантом, который бесил преподавателей: она писала заклинания левой рукой, в зеркальном отображении, и они всё равно работали. Ее собирались взять в Гильдию Бытовых Чудес — престижное, хоть и скучное место.

— Я просто не выспалась, — сказала Элия.

— Ты не спала три дня. Я слышала, как ты ворочаешься. — Лисса понизила голос. — Слушай, еще не поздно. Возьми отсрочку по здоровью. Скажи, что у тебя нервное истощение. Магистр Аврелий, конечно, будет зол, но...

— Не могу.

— Почему?

Элия посмотрела на двери башни. Высокие, из черного камня, с высеченной надписью: «Слово есть деяние». Девиз Скриптория.

— Потому что если я не войду туда сегодня, — сказала она, — я не войду никогда.

Лисса вздохнула. Потом вдруг подалась вперед и крепко, неуклюже обняла Элию — так, что футляр с перьями врезался им обеим в ребра.

— Тогда просто помни, — прошептала она на ухо, — что свеча загорелась. У тебя получилось. Ты можешь.

Элия хотела ответить, но не успела — двери распахну-

лись, и церемониймейстер звучным голосом объявил начало испытания.

Экзаменационная башня была древней. Старше самой Академии, старше Скриптория — говорили, что ее построили еще Первые Писцы, те, кто создал сам язык Писания. Внутри она напоминала колодец: круглый зал, уходящий вверх на десять этажей, с галереями, на которых располагались зрители. Сегодня там собрался весь Ученый Совет, преподаватели, представители гильдий и даже несколько Хроникеров — записывать ход испытания для городских архивов.

В центре зала стоял массивный стол из окаменелого дерева, а на нем — лист пергамента. Один-единственный.

Никаких черновиков. Никаких пробных штрихов. Чистовик с первой попытки. Идеальное заклинание — или провал.

Магистр Аврелий поднялся со своего места на центральной галерее и развел руки, призывая к тишине. В его пальцах блеснуло серебряное перо.

— Выпускники, — начал он, и его голос, усиленный акустикой башни, зазвучал отовсюду сразу. — Сегодня вы переступите порог. Вы докажете, что достойны звания Каллиграфов. Ваше заклинание должно быть не просто правильным — оно должно быть безупречным. Помните: *Scriptum Letale* не прощает ошибок.

При этих словах по залу прошел легкий шорох. Имя чумы, убившей тысячи магов, не произносили всеу. Но сегодня

это было уместно. Сегодня это было предупреждением.

— Первый испытуемый, — объявил Аврелий, — Элия Вэлл.

Элия вздрогнула. Она не ожидала, что ее вызовут первой. Обычно первыми шли сильнейшие — те, кто задавал тон экзамену. Почему она? Это проверка? Издевательство? Или Аврелий просто хочет избавиться от нее пораньше?

Ноги сами понесли ее к столу. Где-то наверху она заметила лицо Верховного Каллиграфа — старика Аурелиана, ректора Академии. Он смотрел на нее спокойно, без насмешки.

«Он знает, что я могу», — подумала Элия. И одернула себя: — «Нет. Он просто ждет».

Она остановилась у стола. Пергамент был безупречен — ни пятнышка, ни царапины. Идеальная, девственная белизна. Чистый лист.

Самый страшный враг.

— Тема испытания, — произнес Аврелий, и в его голосе Элии почудилась усмешка, — «Свет».

Конечно. Конечно, он выбрал это. То самое слово, которое она так и не смогла написать.

Элия открыла футляр и достала перо ибиса. Руки не дрожали — пока. Она обмакнула перо в чернильницу, и лунный камень в чернилах слабо засветился.

Зал затих.

Она поднесла перо к бумаге.

И замерла.

Перед ее внутренним взором пронеслось всё сразу: лицо деда, усмехающегося с портрета; свеча в дортуаре, вспыхнувшая искрой; слова Киана — «не пиши, а вспоминай»; лицо Аврелия, холодное и острое, как лезвие; мать, склоненная над манускриптом, и свет в ее волосах, и...

Слишком много. Слишком громко. Всё смешалось, нахлынуло, сдавило горло.

Перо коснулось бумаги.

И пошло не туда.

Она хотела написать «свет». Классический иероглиф из трех линий — «солнце», «восход», «тепло». Но пальцы сжались слишком сильно. Запястье дернулось. И кончик пера, вместо того чтобы вывести первую линию, ушел вниз, прочертив жирную, рваную черту.

Клякса.

Огромная, черная, безобразная, она растеклась по центру листа, как открытая рана.

Зал ахнул. Где-то наверху кто-то вскрикнул. Но Элия не слышала их. Она смотрела на кляксу — и чувствовала, как внутри что-то обрывается.

А потом клякса начала расти.

Сперва медленно — край дрогнул, поплыл, набух. Потом быстрее. Чернила поднялись над бумагой, как живая плоть. Они пузырились, клубились, складывались в формы, которых Элия не понимала. От кляксы потянулись щупальца — тонкие, дрожащие, ощупывающие воздух.

Scriptum Letale.

Она оживила его. Она — та, кто боялась написать даже собственное имя, — создала самую страшную магию из всех возможных.

— НЕТ! — закричал кто-то с галереи.

Но было поздно.

Тушь взорвалась. Не звуком — тишиной. Она хлынула во все стороны, поглощая свет, воздух, звуки. Элия успела увидеть, как Верховный Каллиграф встает со своего места и выбрасывает вперед руку — то ли чтобы защититься, то ли чтобы написать контрзаклинание, она уже не поняла.

А потом ее ударило в грудь — горячо, ослепительно, — и она полетела назад, в темноту, которая пахла гарью и сырой землей.

Последнее, что она услышала перед тем, как потерять сознание, был голос Киана — откуда-то издалека, из другого мира:

— Вставай. Вставай, или мы оба трупы.

И она встала.

Глава 2. Дорога из камня

~ Беглец не выбирает дорогу. Дорога выбирает беглеца. ~

Киан, Резчик

Рассвет в Каменный Предел не приходит — он прорывается. Сперва чернота неба начинает сереть, как старый шрам. Потом из-за скальных зубцов вырывается первый луч — резкий, белый, безжалостный. Он бьет по глазам, не согревая. В Каменном Пределе солнце не греет. Оно свидетельствует.

Элия проснулась от того, что у нее затекли ноги.

Она лежала на куче тряпья в углу пещеры, укрытая все тем же пропахшим кровью плащом. Тело ныло, голова гудела, а во рту стоял привкус металла — будто она жевала ржавые гвозди.

Она села, морщась от боли в спине, и огляделась. Светильник погас. Киана в пещере не было. Его резец лежал на плоском камне — один, без хозяина.

На мгновение Элию захлестнула паника. Бросил. Ушел. Сдал Инквизиторам. Но тут же она услышала звук — мерный, ритмичный, металлический. Будто кто-то бил молотком по зубилу.

Она поднялась на ноги и, пошатываясь, пошла на звук.

Киан сидел у входа в пещеру, скрестив ноги, и работал. Перед ним на низком каменном постаменте лежал обломок

гранита — темно-серый, с вкраплениями слюды. Резец в его руке двигался с отточенной точностью, откалывая крошечные чешуйки. Он не писал — он освобождал форму, уже заключенную в камне.

— Ты храпишь, — сказал Киан, не поднимая головы.

— Неправда.

— Храпишь. Как горный тролль. Я дважды выходил наружу, чтобы не оглохнуть.

Элия хотела возразить, но вдруг поняла, что улыбается. Это было настолько неуместно — улыбаться утром после катастрофы, в пещере, в нескольких милях от рухнувшей башни, — что она тут же подавила улыбку, испугавшись самой себя.

— Что ты делаешь? — спросила она, кивая на камень.

— Готовлю нам дорогу.

Киан отложил резец и поднял камень обеими руками. Теперь Элия увидела, что на его поверхности было высечено изображение — не иероглиф, не буква, а нечто среднее между картой и... следом? Отпечатком звериной лапы?

— Это ящер, — пояснил Киан. — Степной скалолап. Водится в предгорьях. Если призвать его правильно, он будет бежать три дня без остановки и не побоится Инквизиторских патрулей. Инквизиторы не смотрят вниз. Они считают, что еретики должны передвигаться либо пешком, либо на чем-то благородном.

— А мы передвигаемся на ящере.

— Мы передвигаемся на всем, что работает.

Он прижал ладонь к поверхности камня и закрыл глаза. Элия увидела, как его губы едва заметно шевелятся — не заклинание, а что-то другое. Слова, которых она не знала. Может быть, имя ящера. Может быть, просьба.

Камень дрогнул. По граниту побежала трещина — но не хаотичная, а осмысленная, повторяющая контур рисунка. Киан разжал пальцы, и обломок камня начал расти. Он вытягивался, расширялся, обретал объем. Через минуту перед входом в пещеру стояло существо — приземистое, широколапое, с шершавой каменной кожей, покрытой узорами, похожими на те, что Киан только что высекал.

Скалолап моргнул. Его глаза были желтыми, с вертикальными зрачками, и смотрели они на Элию с каким-то древним, нечеловеческим терпением.

— Он живой, — прошептала Элия.

— Он каменный, — поправил Киан. — Но благодарить его не помешает.

Он положил руку на морду ящера. Тот не шевельнулся, но Элии показалось, что узоры на его шкуре на мгновение потеплели.

— Залезай, — сказал Киан. — Времени мало.

Они ехали весь день.

Скалолап двигался удивительно плавно для существа из камня. Его лапы неслышно ступали по скальной породе, а широкая спина позволяла сидеть вдвоем, хотя и тесно. Элия

держалась за плечи Киана, стараясь не думать о том, что под ними — бездна. Тропа вилась по самому краю ущелья, и временами ветер швырял в лицо мелкую каменную крошку.

Местность менялась. Позади остались серые стены Скриптория (она ни разу не обернулась), а впереди вырастали скалы Каменного Предела — острые, отвесные, похожие на клыки, торчащие из земли. Небо здесь было выше и холоднее. Воздух пах не пергаментом и чернилами, а пылью и минералами.

— Почему ты мне помогаешь? — спросила Элия, когда молчание стало невыносимым. — Ты мог просто уйти. В пещере, ночью. Я была без сознания. Никто бы не узнал.

Киан долго не отвечал. Его спина была прямой, но плечи чуть напряглись.

— Потому что ты сделала то, что я пытаюсь сделать пять лет, — сказал он наконец.

— Что именно?

— Сломала их правила.

Элия моргнула.

— Это был не протест. Это была ошибка. Я пыталась написать «свет», а получилось...

— А получилось то, что заставило их башню рухнуть. — В голосе Киана не было укора. Скорее, мрачное удовлетворение. — Ты понимаешь, что они называют *Scriptum Letale* ошибкой? Чумой? Проклятием? А что, если это не ошибка? Что, если это — следующий шаг?

— О чем ты?

Скалолап остановился. Киан развернулся вполоборота, и Элия увидела его лицо — осунувшееся, но горящее странным, упрямым огнем.

— Двести лет назад, до чумы, магия была другой. Я читал запрещенные тексты — то, что не жгут только потому, что боятся. Тогда писцы не боялись ошибок. Они писали кровью, грязью, слюной. Они смешивали стили. Они творили. А потом пришла чума, и они решили, что это наказание за вольности. Они запретили всё, что не влезало в их идеальные клетки. Но, Вэлл, — он подался вперед, и Элия невольно отшатнулась, — что, если чума была не наказанием? Что, если это был просто несчастный случай, а они превратили его в тюрьму?

Элия молчала. В ее голове звучали слова деда: «Ты просто пока не нашла свои слова». Она думала о портретах великих Каллиграфов. О том, как они смотрели на нее — с укором.

А что, если ее дед знал? Знал — и потому не ругал за чистые листы?

— Куда мы едем? — спросила она.

— К моей наставнице.

— Ты говорил.

— Она живет в Железных Пещерах, — сказал Киан. — Это два дня пути. Старуха слепая, но видит больше, чем весь ваш Ученый Совет вместе взятый. Она знает о Scriptum Letale то, что не написано ни в одной книге. И она...

Он замолчал.

— Что — она?

— Она скажет, проклята ты или нет.

Вечер они встретили на небольшом плато, защищенном от ветра скальным выступом. Киан развел костер — не магический, обычный, из сухого кустарника, который рос в трещинах, — и они сидели у огня, жуя пресные лепешки из его походного мешка.

Скалолап застыл у края плато, как изваяние. Только желтые глаза медленно следили за темнеющим небом.

— Ты сказал, что моя Тушь — самое полезное, что случилось со Скрипторием за двести лет, — тихо сказала Элия.
— Что ты имел в виду?

Киан бросил в костер ветку. Угли вспыхнули, выбросив сноп искр.

— Я имел в виду, что Инквизитор Аврелий строит новый порядок. Идеальный. Без ошибок. Без грязи. Без таких, как я. — Он криво усмехнулся. — Через пять лет в Скриптории останутся только те, кто пишет по трафарету. А ты — ты выплеснула на их идеальный пол чернила. И они заметили.

Элия посмотрела на свои руки — на тонкие черные прожилки под кожей, которые не смывались.

— Я не хотела ничего замечать. Я просто хотела зажечь свечу.

— Иногда свеча поджигает дом.

Они замолчали.

Где-то вдалеке, за скалами, раздался протяжный гул — не то ветер, не то зверь, не то что-то совсем иное. Скалолап поднял голову. Его желтые глаза сузились.

Киан поднялся и положил руку на резец.

— Что это? — спросила Элия.

— Инквизиторы, — сказал он. — Они выпустили Ищеек.

— Кого?

— Scripta Canis. Оживленные заклинания-гончие. Они идут по магическому следу. А у тебя, Вэлл, след такой яркий, что его, наверное, даже в Каменном Пределе видно.

Он повернулся к ней и впервые за весь день посмотрел прямо, без усмешки, без мрачного торжества. Просто — устало и серьезно.

— Нам придется ехать ночью.

Глава 3. Ищейки

~ Вдох. Выдох. Строка. Смерть. ~

Боевой канон Резчиков (строка 1)

Они не успели собрать лагерь.

Вой раздался снова — ближе, ниже, с той особой вибрацией, которая проникает не в уши, а сразу в грудь, заставляя сердце сбиваться с ритма. Скалолап издал ответный звук — глухой, утробный гул, больше похожий на движение тектонических плит, чем на голос живого существа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.